

Стихи Натальи Пейсонен – настоящая поэзия, наполненная течением жизни, событиями, впечатлениями. Это переживания, свойственные молодому автору, взрослеющей девушке, молодой женщине, обладающей способностью к поэтическому восприятию

жизненных явлений. Это драматические голоса любви, доносящиеся до читателя сквозь дыхание времени.

Д. Ч.

* * *

Здравствуй, Ева. Тебе не спится? И мне не спится.
За окном весна. За окном, не поверишь, как впрямь – столица.
Только все тебя где-то носит, моя Жар-Птица,
не проститься с тобой никак и не откреститься
от тебя. Не послать тебя ни к такой-то матери, ни к чертям в подруги...
Все мне грезится прищур твой близорукий,
и копна твоих рыжих, и тоненькие запястья.
Кто снимает сандали с тебя, кто платья?
Кто ведет тебя под руку под каталонским небом?
Где я будто бы был однажды. Где точно не был.

Не поверишь, Ева, здесь птицы сошли с ума – не дают проспать.
И я, кажется, жив. Говорят, что нельзя сдаваться.
В телевизоре врут. В социальных сетях народ не в себе. Как будто
Бог однажды с кем-то меня попутал
и отправил вот так вот на грешную землю вместо...,
где я чье-то чужое теперь занимаю место.
И ничто мне не мило, ничто меня здесь не держит.
Я купил себе новый Lexus, сменил одежду,
я нашел себе Маню, вывез ее в Европу.
Маня любит меня. Зовет меня мизантропом.
И, казалось бы, все у меня как у всей столицы.
Хватит снится мне, рыжая, хватит снится.

Ева-Ева, я болен тобой которое лето кряду,
я бы ради тебя любого наелся яду.
Я бы вплавь, через любые моря, босиком – сквозь любую стужу.
Только ведь я не нужен тебе. Совсем не нужен.

* * *

Ева пишет ему в ответ ровно восемь строк:
– Я разучилась любить или быть счастливой.
Видно я, мой друг, нахлебалась и сбилась с ног

поисках сверхъестественного мотива
для простого человеческого (что ли) счастья.
Я давно раздарила подаренные мне платья,
вычеркнув тех, кто, кажется, их дарил.
В общем, та, которую ты любил...
нет ее больше, слышишь, вот как-то так.
Дальше живи. – Он сжал и разжал кулак,
выдохнул, перечитал еще, а потом еще...
Долго слонялся, ежился под плащом,
вымокнув насквозь, долго курил, молчал,
что-то как будто жало ему в плечах.

Это больней, когда тебя не убьют, а ранят.
– Ева, зачем я знаю, что ты живешь?
Если бы можно было разрушить память.
Дождь продолжался – серый московский дождь.

* * *

Нет, не встретимся, нет не поговорим.
Промолчим равнодушно. Жизнь отдадим другим,
будто будет ещё одна, словно сплошной шедевр.
Обещай не искать меня после, в конце прозрев.
Время перекроит нас и внешне и изнутри,
тех прекрасных и чистых, которым по двадцать три.

* * *

Я, кажется, разлюбил тебя по пути
в рай, который мы обещали друг другу десять
или более лет назад, а еще идти,
а у нас уже нет ни общих любимых песен,
ни тем, ни слов, ни чего-либо там еще.
Я смотрю на тебя, и мне кажется, что я мертвый.
Как бы знать, что будешь потом прощен
нашим сыном, который идет в четвертый.
Как бы знать, что это потом пройдет,
что я выдержу еще десять или пятнадцать.
Что же все-таки стоит жизни в конце концов:
вырваться или гибнуть, но оставаться?

* * *

Если мы с тобой когда-нибудь сойдемся,
где-нибудь на пространстве старого континента,
обещай, что тогда сойдемся и снимем дом
в несколько счастливых квадратных метров.
Станем гулять вечерами, скрываться днем,
мерно тянуть портвейн из простых стаканов.
Просто пообещай, что однажды станем
ближе, если когда-нибудь сойдемся

* * *

Нет, ты все-таки вспоминай прошлогодний снег,
помести его в самое сердце жесткого диска.
Промежуток огромен меж двух всем известных рек,
по ту сторону – ты, здесь – римские обелиски.

По ту сторону юность моя по проспектам пылит-пылит.
Мы счастливые, глупые щедро транжирим юность,
А по сторону эту – сердце болит. Болит.
Даже, если я на карточке улыбнулась.

VACANZEROMANE

Dolce vita, иначе – излюбленно-сладкая жизнь.
Сквозь ладони мои и сочится, и вдруг утекает
вдоль Трастевере – праздник, и сквозь чья-то скрипка визжит,
чья-то скрипка... вдогонку взлетающей маленькой стае.
До утра прибывает толпа. Кто-то празднует жизнь
в этих стенах тщеславного старого вечного Рима.
Средь невидимых муз мы уже никуда не спешим,
как когда-то спешили. Мне сладко и невыносимо
пребывать здесь одной среди праздничной пестрой толпы,
среди шепота, шума и шороха шелковой ткани,
а над Тибром покорно по-прежнему дремлют мосты
и покорно хранят чьи-то вечные страшные тайны.
Как заманчивы дебри запутанных улиц, и как
манят тонкие запахи странно разбросанных «чайных»,
знают те, что, возможно, однажды держали в руках

это хрупкое счастье, потом превратившись в случайных друг для друга, покинув таким навсегда-навсегда этот праздничный город, что стал невзначай очевидцем. Мне хотелось еще раз однажды вернуться сюда, чтоб увидеть такие же чьи-то блаженные лица.

ПРО ЛЕТО

Лето придет и бросится на песок,
лето тебя оденет в льняные платья.
Он тебя выпьет, как виноградный сок.
Ты пропадешь. В разнузданные объятия
ты попадешься глупо, на раз-два-три,
у голубой воды, где песчаник сточен.
Сердце сорвется, выпорхнет изнутри.
Нежный противник выпит и обесточен.
Утро разбудит шумом, морской волной,
птицы сорвутся вниз и разрежут небо.
Будет что вспомнить: иссиня-голубой
взгляд, вдоль лопатки маленький оттиск щебня.

* * *

Когда ты вырастешь, ты скажешь:
Я – сын своего отца.
У меня его голос, сила, черты лица
его горных предков, его беспокойный нрав.
Мне неведом страх.

Я могу стать воином, поэтом,
смогу пересечь моря,
я смогу брать любые вершины и покорять
любые сердца, любой самый сложный бой
будет выигран мной,

ибо в венах моих Сакартвело
и горный ее хребет,
потому что каждый, кто связан с ней,
выращен для побед.
Посмотри, у меня черты повстанца и мудреца,
потому что я – сын своего отца.

Кавказские крови по северным жилам.
Я слово твое, как свое поллюбила,
царапая горло гортанною речью.
Я тело свое для тебя изувечу,
детей нареку именами чужими
и странными уху. По тоненьким жилам
горячая кровь беспокойного рода...
Мы примем крещение горных народов
и предков твоих... Я забуду свой север,
озерные воды, суровость осенних
ветров, недвижимые глыбы гранита,
и ноги мои уже будут омыты
иною прохладой – потоками горных
течений. Я буду верна и покорна
в ответ... за пожар, за смешение крови,
за нежность в чужом и чарующем слове
твоем, за согласие многоголосий...
Я стану носить то, что женщины носят
в краях твоих. Стану сестрой твоим сестрам.
Бескрайнее небо, огромные звезды,
как тайна, как необъяснимая сила
Кавказа. И жар твоей крови по жилам.

ВЕНЕЦИЯ

У Венеции летом глаза зеленые,
руки-раструбы, гондолы то вдоль, то вспять.
Толпы шаркают и шумят, а церквухи сонные
по рассеянным площадям продолжают спать.

Ты берешь меня за руку, мимо каких-то двориков
мы как два персонажа ныряем с тобой насквозь.
Чтобы ты не сказал, я верю в твои истории,
даже если потом совсем разлетимся врозь.

Ты красивый такой, ты пахнешь ветрами южными.
Жаль, что день невозможно запечатлеть.
Я тобой совершенно обезоружена.

¹Я тебя люблю (пер. с груз. яз.).

Гондольер внезапно решает петь,
и летит его песня вверх и стихает в улицах.
Длись еще, пожалуйста, песня, длись!
Если все запомнить, а время спустя зажмуриться,
то получится обратно перенестись.

* * *

Ты красишь губы малиновым в коридорах,
ты носишь платья цвета асфальта – цвета
моей печали. Ты не выносишь споров
и истин тоже не любишь, а любишь лето.
И солнце дарит, дарит тебе веснушки,
и рыжих пряжей тоненькие полоски
в копне кудрявых и непослушных, сушит
и щиплет губы море и бьет о плоскость
песчаных пляжей, пристаней. Километры...
их сотни, тысячи до твоего моря.
И я посылаю к отрезанной части света
ветра вместо писем для той, что уже не спорит
ни с кем ради истин о главном. Я так тоскую
по горьким губам твоим. Только взгляни – стай
от наших морей к вашим, они рискуют
разбиться в пути и не дожить до мая.

ЛЕТО НЕ ВЫДАЛОСЬ

«Chiamera Butterfly dalla lontana.»

А если совсем уж честно, то я тоскую.
Подумать страшно, что за абсурдной встречей
потянутся/тянутся будни. Опять вслепую,
опять на ощупь двигаться дальше. Вечер –
страшнейшее время суток, и я спасаюсь
надломленной Butterfly, но уже не тешу
себя ожиданием. – Деточка, баю-баю –
я так выживаю. Я пребываю между
заснеженной сказкой и трехэтажным бытом,
а там у тебя вторую неделю грозы,
и лета не обещают, а здесь, в забытом
тобой краю, я вчитываюсь в прогнозы

(как хочешь, зови меня, это – неизлечимо,
и это все, что мне от тебя осталось).
И солнца больше не будет. Столичный климат
совсем, совсем ни к черту, как оказалось.

* * *

Никаких заблуждений более и никаких поллюций.
То, чего так хотелось, не принесли на блюде.
Время напрочь пообтесало, и сбило спесь.
Мы не там. Мы здесь.

Здесь все просто: каждый +/- равен, никто не Бог.
Каждый в чем-то немного мастер/немного плох,
во главе всего благо, квартирка и новый фонд,
и большой ремонт.

И среди всего, кем мы не стали, где не срослось,
мы убили обиды и усмирили злость,
мир не перевернулся, небо все так же блю.
И, возможно, я даже больше тебя люблю.

ПЕСЕНКА ДЛЯ МАРКА

Никому не скажу, что осталось на том конце.
А о том, что действительно важно – тебе известно.
Лето было у моря, было в твоём лице,
И об этом при всех и каждому – неуместно.

Только мы с тобой знаем,
как бился у ног прибой,
в самый ветреный час желаннейших откровений.
Лето было немислимым счастьем бывать с тобой,
обернувшись в ворох нежных стихотворений.

* * *

Нет ничего особенного в весне:
ты – нараспашку, тонкая как во сне –
юная, светлая, тянешь остывший кофе.
Снишься в профиль.

Город нарядный, выряжен в облака.
Есть в тебе что-то хрупкое от цветка,
пахнет грозой, ты тянешься и смеёшься,
в косах — солнце.

Счастье продлится вечность — длинной в весну,
память прижмётся острым лицом к окну:
Что это было: встреча, случайность, фильм?
Все потеряем, больше не повторим.

Вырастем, погрубеем, перегорим,
Так и не съездив вместе ни в Грасс, ни в Рим,